

#своякомната

Вирджиния Вулф

Одно из первых
высказываний
о женщинах
в литературе,
ставшее
классикой

Своя комната

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Оглавление

ОДИН	8
ДВА	35
ТРИ	55
ЧЕТЫРЕ	74
ПЯТЬ	100
ШЕСТЬ	119

ОДИН

Но мы же просили рассказать о женщинах и литературе, скажете вы, при чем тут чьи-то комнаты? Попробую объяснить. Когда мне предложили рассказать о женщинах и литературе, я села на берегу реки и стала размышлять, что же это значит. Несколько слов о Фанни Берни, несколько — о Джейн Остин, дань почести сестрам Бронте и краткий набросок их заснеженного дома-музея в Хоэрте; если получится — пара остроумных замечаний о мисс Митфорд; уважительно помянуть Джордж Элиот, сослаться на миссис Гаскелл, и готово. Но если вдуматься, этот вопрос не так уж и прост. Он может обозначать — как вы, наверное, и полагали — разные темы: самих женщин и их женскую суть, или же книги, которые пишут женщины, или же книги, написанные о женщинах; а может, все эти темы неразрывно переплетены, и вам хотелось бы послушать о них именно с такой позиции. Эта позиция казалась самой многообещающей, и я начала было размышлять над ней, но вскоре мне стал очевиден ее серьезный изъян. Мне бы не удалось сделать здесь никакого вывода. Мне бы не удалось исполнить основной — как

я это вижу — долг любого докладчика, то есть после часовой речи преподнести слушателям какую-нибудь жемчужину истины, которую можно завернуть в тетрадные листы и определить на вечное хранение на каминную полку. Могу лишь сообщить свое мнение по одному пункту: если женщина хочет писать книги, ей понадобятся деньги и собственная комната; а это, как вы понимаете, не отвечает на вопрос об истинной сути женщин и литературы. Я увильнула от священного долга предоставить вам вывод — вопрос женщин и литературы остается для меня нерешенным. Чтобы немного загладить вину, я постараюсь показать вам, как пришла к мнению о собственной комнате и деньгах. Как можно более полно воспроизведу ход мыслей, приведший меня к такому выводу. Когда я продемонстрирую идеи, предубеждения и заблуждения, что кроются за этим выводом, вы, возможно, увидите, что они имеют некоторое отношение и к женщинам, и к литературе. В любом случае, если предмет наших рассуждений противоречив — а когда речь заходит о вопросах пола, по-другому не бывает, — нельзя и рассчитывать на истину. Можно только показать, как вы пришли к своему мнению. Пусть слушатели сами делают вывод, видя все предрассудки, страхи и недостатки докладчика. В литературе может оказаться больше истины, чем в фактах. Так что я собираюсь воспользоваться всеми свободами и вольностями романистки и рассказать вам о том, как провела два последних дня — как я размышляла над вашим вопросом,

согнувшись под его тяжестью, и как он стал частью моей повседневной жизни. Само собой разумеется, что я буду говорить о несуществующих предметах: Оксбридж — это вымышленное место, как и Фернхэм, а «я» — всего лишь сподручное обозначение кого-то выдуманного. С моих губ будет слетать одна выдумка за другой, но среди них, возможно, попадется и доля истины; вам предстоит распознать эту истину и решить, стоит ли она сохранения. Если нет, вы вольны выбросить ее в корзину для бумаг и позабыть обо всем.

Так я и сидела (можете звать меня Мэри Битон, Мэри Ситон, Мэри Кармайл — как вам больше нравится; это совершенно неважно) на набережной чудесным октябрьским деньком, погружившись в свои мысли. На душе тяжелым грузом лежала необходимость прийти к какому-либо выводу касательно темы, порождающей множество страстей и споров, — темы женщин и литературы. Вокруг меня пылала багрянцем и золотом листва, чуть подпаленная на жаре. На дальнем берегу плакали вечно скорбящие ивы, распустив волосы. Река отражала что ей заблагорассудится — то небо, то мост, то пылающие деревья, а когда какой-то студент пересек эти отражения на своей лодке, они снова сомкнулись, будто и не было никого. Можно было сколь угодно сидеть здесь, погружившись в собственные мысли. Одна такая мысль — дадим ей это незаслуженно гордое имя — уже соскользнула в воду и стала покачиваться там среди водорослей и отражений, то всплывая,

то снова исчезая, как вдруг... представьте, что мысль внезапно сгустилась и потяжелела, и вы ощутили, что у вас клюет, и осторожно вытянули леску, и теперь изучаете добычу. Но, оказавшись на берегу, мысль вдруг кажется маленькой и жалкой; хороший рыбак бросит такую рыбку обратно в воду: пусть нагуляет жирок, и тогда ее можно будет изжарить и съесть. Не буду докучать вам этой мыслью; если приглядитесь, сами обнаружите ее в моей речи.

Но какой бы незначительной ни была моя мысль, она все же обладала присущим своей породе свойством: снова оказавшись в потоке размышлений, она немедленно обрела прежний блеск и значимость и начала столь энергично плескаться и блистать, что закрутила вокруг себя целый водоворот идей — так что усидеть на месте было решительно невозможно. Тут-то я и обнаружила, что стремительно шагаю по газону. Внезапно меня попытался остановить какой-то мужчина. Я не сразу поняла, что жестикуляция этого странного персонажа, одетого в дневной сюртук и вечернюю рубашку, обращены ко мне. На лице его были написаны ужас и возмущение. Меня спас скорее инстинкт, чем здравый смысл: передо мной — университетский смотритель, а я — женщина; я иду по траве, а дорожка — там. Сюда пускали только Господ Ученых, мне же полагалось ходить по гравии. Все эти соображения пронесли в голове в один миг. Я вернулась на дорожку, и сторож тут же успокоился и опустил руки, и хотя по траве ходить куда приятнее, чем по гравии, все

кончилось благополучно. Жаль только, что, защищая свой трехсотлетний газон, Господа Ученые этого оставшегося неизвестным колледжа спугнули мою рыбку.

Уже не помню, какая мысль толкнула меня на такие дерзкие нарушения. На меня снизошла благодать, снова облачко спустилось из рая. Если и есть на свете благодать, ее можно найти в квадратных дворах Оксбриджа ясным октябрьским утром. Когда идешь мимо старинных стен этих колледжей, шероховатости окружающего мира будто сглаживаются; тело словно попадает в волшебный стеклянный звуконепроницаемый футляр, а сознание, которому не нужно теперь иметь дело с фактами, привольно выбирает, на чем бы ему сосредоточиться (главное — не ходить по траве). По воле случая мне вспомнилось какое-то старое эссе Чарльза Лэма о том, как он навещал Оксбридж на каникулах («Святой Чарльз», говорил Теккерей, прикладывая ко лбу его письмо). В самом деле, среди всех покойников (я излагаю вам свои мысли именно в том виде, как они ко мне приходили) Лэм наиболее мне созвучен; его хочется спросить — скажите, как вы писали? Его эссе превосходят даже совершенные, идеальные работы Макса Бирнбома: дело в тех бурных приливах вдохновения, электрических разрядах гениальности, благодаря которым работы Лэма становились небезупречны — и великолепны. Лэм навещал Оксбридж около ста лет назад. Он совершенно точно написал эссе (не могу вспомнить, как оно называется) об увиденной здесь рукописи одного из мильтоновских

стихотворений. Возможно, речь шла о «Ликиде», и Лэм писал, как потрясла его сама идея того, что хоть слово в этой поэме могло быть иным. Ему казалась кощунством одна лишь мысль о том, что Мильтон мог бы заменить какое-то слово в «Ликиде». Тут я стала припоминать текст поэмы и забавляться, пытаюсь представить, какое слово и почему заменил Мильтон. Потом мне вдруг пришло в голову, что я всего лишь в паре сотен ярдов от той самой рукописи и могу вслед за Лэмом пересечь четырехугольный двор и войти в ту самую знаменитую библиотеку. Кроме того, размышляла я, исполняя свой план, в этой же библиотеке хранится рукопись «Эсмонда» Теккерея. Критики часто говорят, что «Эсмонд» — лучший роман Теккерея. На мой взгляд, его изрядно утяжеляет аффектированность, призванная воспроизвести стиль XVIII века. Другое дело, если Теккерею и в самом деле был присущ стиль XVIII столетия — это легко проверить, взглянув на рукопись и проверив, какова цель исправлений в тексте: прояснить мысль или воспроизвести стиль. Тогда следовало бы определить, что есть стиль, а что — мысль, а этот вопрос... но тут я оказалась у двери в библиотеку. Видимо, я открыла ее, поскольку мой путь тут же преградил, словно ангел-хранитель, седой и неодобрительно-любезный джентльмен, за спиной у которого вместо белых крыльев трепетала черная мантия, и негромко сообщил, что, к его сожалению, леди допускаются в библиотеку только при наличии рекомендательного письма или в сопровождении кого-либо из Господ Ученых.